

Марина Ветрова ♦ Камила Левитан

Невеста шейха напрокат.

Бывший повесил на меня
долг в девять миллионов!

Марина Ветрова

**Невеста шейха напрокат.
Бывший повесил на меня
долг в девять миллионов!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Невеста шейха напрокат. Бывший повесил на меня долг в девять миллионов! / М. Ветрова — «Автор», 2026

За девятнадцать дней до свадьбы Кирилл объявил, что уходит. А потом выяснилось: мой любимый подделал документы и повесил на меня долг в девять миллионов долларов. Счета заблокированы, репутация уничтожена, помощи ждать неоткуда. Чтобы доказать невиновность, я прилетела в Доху и оказалась перед человеком, которого боятся даже влиятельные бизнесмены. Шейх Халид Аль-Тани предложил сделку: он поможет разоблачить предателя, если я сыграю роль его невесты. Только у нашего договора появились опасные побочные эффекты: ревность, страсть и чувства, которых никто не планировал. Я согласилась притворяться влюблённой. Но что делать, если шейх однажды захочет настоящую свадьбу вместо фиктивной? И кто тогда заплатит за любовь?

Содержание

Глава 1. «Я подал на развод»	5
Глава 2. Блокирована	8
Глава 3. Приглашение, от которого не отказаться	11
Глава 4. Золотая клетка	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Марина Ветрова, Камила Левитан

Невеста шейха напрокат. Бывший повесил на меня долг в девять миллионов!

Глава 1. «Я подал на развод»

Кирилл сказал это, не отрываясь от телефона.

— Я подал на развод.

Я держала чашку. Хорошую чашку, белую, с тонким ободком — мы купили комплект на шестерых в Праге, когда он ещё говорил слово «мы» без интонации одолжения. Кофе был горячий, крепкий, с двойным эспрессо, потому что сегодня у меня в одиннадцать встреча с флористом по свадьбе, которая должна была состояться через девятнадцать дней.

— Повтори, — сказала я.

Он отложил телефон экраном вниз. Отложил! Значит, репетировал. Кирилл никогда не убирает телефон, когда говорит по существу; он убирает его, когда играет спектакль.

— Марго, не делай из этого драму. Мы оба понимали, чем это закончится.

— Чем — «этим»? — я поставила чашку. Аккуратно. Ручку повернула влево, к нему, как на деловой встрече. Работа организатора свадеб учит одному: в момент, когда мир рушится, держи руки занятыми, иначе начнёшь бить. — Свадьбой? Ты про свадьбу, на которую я потратила год? Про приглашения, которые рассылаются в четверг? Про твой костюм, который уже в ателье?

— Вот поэтому я и люблю... любил в тебе. Ты всегда держишь график.

И он улыбнулся. Секунду я смотрела на эту улыбку — ровную, белозубую, отрепетированную перед зеркалом в нашей ванной, — и думала о том, что три года жила с человеком и не замечала, как у него двигаются желваки, когда он врёт. Теперь видела. Желваки ходили, как лифт в старом доме: рывками, между этажами.

— Кто она? — спросила я.

— Не надо.

— Кирилл. За три недели до свадьбы подают на развод либо по причине, либо по человеку. Ты не драматург, ты бухгалтер по натуре. Кто она?

Он посмотрел в окно. За окном стоял октябрь, серый, как протухший суп, и мой город — мой красивый, дорогой мне город — выглядел сегодня особенно уродливо.

— Это неважно, — сказал он и встал. Забрал пиджак со спинки стула, позвонил в очередь такси — я слышала, как робот сказал: «Машина через четыре минуты». — Документы от юриста придут тебе. Подпиши без глупостей, сэкономим обоим время и деньги.

— А свадьба?

— С отменой площадки не ко мне. Ты же профессионал.

Он вышел. Дверь хлопнула так буднично, что я вздрогнула — от бытового звука, от нормальности, от того, что мир за дверью даже не заметил, что во мне только что выломали несущую стену.

Я сидела за столом минуты три. Считала. Не до десяти — до девятнадцати. Девятнадцать дней. Девятнадцать дней до свадьбы, в которую я, организатор свадеб, чьи имена клиенты не имеют права называть вслух, вложила год работы и — вот смешно — почти все свои деньги. Потому что Кирилл сказал: «Давай не брать кредит на праздник, ты же можешь, ты же лучшая». И я могла. И была лучшей.

Потом я встала, вылила кофе в раковину — пить его было физически невозможно — и позвонила Асе.

— Он что, — сказала Ася вместо «алло». У неё нюх на катастрофы, как у собак на газ.

— Подал на развод. За завтраком. Между кофе и тостом.

Пауза. Потом Ася сказала то, за что я её люблю:

— Марго. Хочешь, я приеду и мы его закопаем? Метафорически. Пока метафорически.

— Сначала площадка. Девятнадцать дней. Я должна отменить сорок восемь человек, поваров, свет, звук и торт с орхидеями, которые едут из Таиланда.

— Ты опять держишь график.

— Больше у меня ничего нет.

К обеду я отменяла свадьбу. Это отдельный жанр: звонить людям и говорить «в связи с обстоятельствами». Директор площадки на Рублёвке помолчал и сказал: «Маргарита, мне жаль. Не вам — себе. Такой свадьбы здесь не будет лет пять». Кондитер с орхидеями сказал: «Депозит остаётся у вас, вы же знаете это». Флорист просто прислал фото готовой композиции и написал: «Сердце разбитое». Одним словом. Мне стало легче на один грамм и тяжелее на тонну.

В шесть вечера, когда я разбирала коробки с приглашениями — плотный белый картон, тиснение золотом, я выбирала эту бумагу два месяца, — в дверь позвонили.

На пороге стоял мужчина, которого я никогда не видела, и это само по себе было странно, потому что лицо у него было такое, которое невозможно забыть: сухое, гладкое, собранное, как закрытый ноутбук. Тёмный костюм, ни одной морщины, в руке — тонкий портфель.

— Маргарита Тарасова? — Голос ровный, с лёгким акцентом, буквы он произносил, как монеты выкладывал. — Меня зовут Фарид. Я представляю интересы холдинга «Аль-Тани Групп». Ваш жених, Кирилл Дорохов, является деловым партнёром моего принцепала.

— Была у нас встреча завтра, — машинально сказала я. — С господином... — я не помнила имени, эти арабские партнёры Кирилла были фоном его жизни, красивым фоном.

— Мой принцепал хотел бы поговорить с вами сегодня. — Фарид сделал шаг, не входя, но и расстояние между нами сократив на треть. — Дело не терпит.

— Какое дело?

Он открыл портфель. Достал папку. Положил на мой стол — прямо на приглашения, и я с ненавистью посмотрела, как его пальцевая тень ложится на золотое тиснение.

— Ваш жених должен холдингу девять миллионов долларов, — сказал Фарид ровно, как диктор прогноза погоды. — Две недели назад он исчез. Наши юристы начали подготовку иска. И вот что мы обнаружили.

Он перевернул страницу. Мне показали бумагу. Потом ещё одну. И ещё.

Документы. Учредительные бумаги, трастовые декларации, соглашения о распоряжении активами — целая сеть юридических конструкций, через которые Кирилл, по всей видимости, годами перекачивал чужие деньги. И в каждом документе, в каждой строке, где стояло имя владельца, выгодоприобретателя, поручителя, стояло:

****Маргарита Тарасова.****

Я не садилась — я упала. Край табуретки врезался в бедро, и это было хорошо: боль была реальная, из этого мира.

— Это подделка, — сказала я. Голос не дрожал. Удивительно, но не дрожал.

— Подписи, — согласился Фарид. — Экспертиза покажет. Но имя, мисс Тарасова, — имя в этих документах стоит ваше.

— Он... — я сглотнула. Горло было как наждачка. — Он не мог. Я не подписывала ничего подобного. Никогда. Ни единой бумаги его бизнеса — я принципиально не лезла в его дела.

— Вот об этом мы и хотели бы поговорить. — Фарид закрыл папку. — Со своим принцепалом. Он ожидает вас в Дохе.

Я подняла глаза. В комнате было темно — я не заметила, как стемнело, — и силуэт Фарида на фоне окна казался вырезанным из чёрной бумаги.

— В Дохе, — повторила я.

— Завтра вечером, — сказал он, и это не было вопросом. — Самолёт в двадцать три сорок. Мои люди будут рядом, если вам понадобится помощь с документами.

Он положил на стол визитку — плотный картон, одно имя, один номер, — кивнул и вышел так же бесшумно, как пришёл. В прихожей секунду стоял запах его одеколона — дорогого, холодного, — и всё.

Я сидела в темноте среди коробок с приглашениями. В руке была визитка, в голове — два абзаца: «Я подал на развод» и «девять миллионов долларов».

Потом я сделала то единственное, что умела делать лучше всех в этом городе: встала, включила свет и начала составлять план. Потому что когда жизнь рушится, я не плачу. Я строю смету разрушений и смотрю, из чего можно выжить.

На визитке между строк я машинально прикинула: перелёт, гостиница, юрист в Дохе...

Телефон завибрировал. Сообщение от Кирилла, короткое, как плевок:

«Если тебя будут доставать арабы — это твои проблемы. Я в твои документы не вникал. Ничего личного.»

Ничего личного.

Я посмотрела на эти слова долго. Потом достала из коробки приглашение — то самое, золотое, — и сунула его в сумку. Не как сувенир. Как счёт к оплате.

Глава 2. Блокирована

Счёт заблокировали в восемь утра, как по будильнику.

СМС от банка: «Уважаемый клиент, в связи с обеспечительными мерами по иску ООО "Восток Капитал"...» Я дочитала до конца дважды. Слово «арест» в банковских письмах выглядит так же буднично, как слово «акция». Остаток: ноль целых ноль десятых. Карта, с которой я год оплачивала орхидеи из Таиланда, стала куском пластика.

— Ася, — сказала я в телефон, стоя у кофемашины, которая, разумеется, теперь не работала, потому что зёрна закончились, а заказать их было не на что. — У меня на счету ноль.

— Сколько?

— В смысле «сколько»? Ноль. Ноль, Ася. Точка, запятая, конец предложения.

— Там был твой гонорар за сезон! Три контракта! Ты же не была...

— Была. Теперь я — ответчик. Оказывается, я — ответчик, я вчера узнала. Я вообще много чего о себе вчера узнала. Оказывается, я владею долей в оффшоре на Кипре. Жаль, дивиденды не приходят.

Ася засмеялась, но смех был сквозь жалость, а такой смех хуже тишины.

— Езжай ко мне, — сказала она. — Пересидим. Мы закопаем Кирилла, потом юристы, потом...

— Потом Доха, — сказала я. — Сегодня. Двадцать три сорок.

Тишина. Потом Ася заговорила очень быстро и очень серьёзно — она это умела, переходить из подруги в режим «протокол»:

— Марго. Нет. Слышишь? Ты не поедешь. Ты человек, чьи счета арестованы по иску холдинга, размером с малую страну. Тебя вызывают в чужую страну люди, у которых юристов больше, чем у тебя друзей. Это не вызов, это доставка. Они и так всё знают, лететь тебе — это добровольно лечь на стол.

— Знают — не значит верят, — сказала я. — И потом, Асень. Я ни одной бумажки не подписывала. Мне нечего бояться. А вот если я не приеду, они решат, что мне есть чего бояться.

— Ты всегда так рассуждаешь, когда тебе страшно. Строишь из себя непробиваемую.

— Я не строю. Я такая.

— Ты в семь лет на городских лыжах переломала руку и доезжала до финиша, чтобы «не портить график».

— И что, доехала же.

Я ещё побывала у Аси час — приняла душ, надела самое приличное из неарестованного, взяла сумку и то самое золотое приглашение. Ася на прощание сунула мне в карман шоколадку.

— Это не еда, это тактика, — сказала она. — Если тебя будут допрашивать — жуй. Жующие люди кажутся наглými, их страшно обвинять.

К полудню пришло второе чудо дня. Тётка Рима.

Надо пояснить. Тётка Рима — не моя тётка. Тётка Кирилла, три года — моя свекровь-призрак, женщина, которая ни разу не пришла к нам без оценочного суждения и ни разу не ушла, не оставив после себя ощущения, что меня взвесили и недовесили. Она звонила мне «деточка» с интонацией, с которой произносят «ну что за народ пошёл». Она задавала вопросы о моей карьере — «организация чужих праздников, конечно, милое занятие» — так, что я каждый раз чувствовала себя клоуном, у которого просят документы об образовании.

И вот она сидела напротив меня в кофейне — я пришла, потому что отказать ей значило бы дать ей тему для выступлений на год вперёд, — и говорила:

— Кирилл мне всё рассказал, деточка. — Она размешивала кофе, не глядя на меня, и ложка звякала о чашку в такт словам. — Что ты влезла в его дела. Что подписи эти — твои.

— Тётя Рима, я не подписывала...

— Он сказал, что ты жадная. — Она подняла глаза, и в них было то самое выражение, с которым она смотрела на официантов, на соседей, на весь мир: сквозь. — Что ты втерлась в его бизнес, пока он тебе доверял. Я всегда говорила ему: эта девочка с ее «свадьбами» — не наша порода. Праздничная девочка. Авантюристка.

Авантюристка. Слово упало на стол между нами, как кость в орлянку.

— Тётя Рима, — сказала я, и голос у меня был совершенно ровный, я сама собой гордилась, — вы три года учили меня молчать за столом. Полезный навык. Продолжаю им пользоваться.

Она фыркнула. Но глаза у неё на секунду стали злее — а значит, точнее.

— Верни ему документы, деточка. Подпиши, что он просит. Это твой единственный шанс выйти сухой.

— Он уже просил? — я наклонилась вперёд. — Уже? Он же подал на развод вчера.

И вот тут её лицо дрогнуло. Микросекунда. Она знала раньше. Она знала раньше, чем я, — значит, они все знали, весь этот театр трёх лет играл по сценарию, написанному не для меня.

Я отодвинула чашку. Встала.

— Передайте Кириллу, — сказала я, — что документы я не верну. Потому что я их не брала. А чтобы подписать то, что он просит, у меня нет единственной необходимейшей вещи.

— Какой?

— Глупости, тётя Рима. Глупости у меня нет совсем.

Я вышла на улицу и поняла, что руки у меня дрожат — впервые за два дня. Именно сейчас, когда самое страшное, казалось бы, осталось позади. Тело всегда догоняет с опозданием.

В сумке завибрировал телефон. Неизвестный номер, но я уже знала голос прежде, чем он произнёс имя:

— Маргарита Андреевна? Это юрист Кирилла. Кирилл Дмитриевич передал, что готов вам помочь. В сложившейся ситуации, с арестом счетов, с иском холдинга... Он предлагает встречу. У него есть план, как всё уладить. Вам нужно будет подписать всего несколько бумаг.

— Бумаг, — повторила я.

— Формальность, — сказал юрист, и слово прозвучало именно так, по-иностранному, красиво. — Чисто формальность. В вашу пользу, поверьте.

— Передайте Кириллу, что в его жизни есть одна вещь, которую я подпишу с удовольствием, — сказала я. — Расписку о получении моего счёта к оплате. Остальное пусть положит туда же, куда положил девять миллионов.

Я сбросила звонок и стояла посреди улицы, в ветре, в октябре, с заблокированными счётами, с иском на чужие девять миллионов, с билетом в Доху в кармане, и думала о том, что жизнь разбилась так аккуратно, по сегментам, — что это уже не похоже на несчастный случай.

Так ломают специально.

А вечером я собирала чемодан. Ася сидела на нём, когда он не закрывался, и гуглила «шейх Аль-Тани» вслух:

— Холдинг «Аль-Тани Групп». Инвестиции, недвижимость, логистика. Глава — Халид Аль-Тани, тридцать четыре года. Фото... — она повернула телефон ко мне. — Ого.

Я посмотрела. На экране был мужчина в тёмном костюме, снятый откуда-то сбоку, на каком-то мероприятии. Высокий, сухой, с лицом, которое не улыбалось даже на фотографии, сделанной в момент, когда вокруг все улыбались. Тёмные глаза смотрели чуть мимо объектива — так, как смотрят на очередь из просителей.

— Красивый, — сказала Ася с интонацией оценки опасности, а не внешности. — Марго. Такие красивые мужчины не разговаривают с организаторами свадеб. Такие красивые мужчины делают с организаторами свадеб вещи, о которых потом пишут в новостях.

— Мне тридцать один, Ася. Мне уже писали в новостях. Правда, локально.

— Это не смешно.

— Это ужасно смешно. — Я застегнула чемодан, наконец-то поддавшийся, и посмотрела на него. — Ася. У меня ноль денег, арестованные счета, подделанные подписи, бывший — оператор чужих схем, а свекровь-призрак объявила меня авантюристкой на весь город. Мне либо смешно, либо в окно. Выбирай.

— Ещё раз: если что — звони. В любое время. Даже если у них там час ночи.

— У них всегда час ночи или полдень, там солнце.

В аэропорту, у гейта, я в последний раз проверила телефон. Сообщение от Кирилла, присланное полчаса назад:

«Слышал, ты летишь в Доху. Не говори лишнего. И вспомни, что ты подписывала. Ты подписывала.»

Я перечитала. Спокойно. Дважды.

Он лгал так давно и так плотно, что, кажется, начал верить в собственную ложь. Проблема была в том, что я никогда ничего не подписывала, и мы оба это знали. А если человек лжёт, зная, что ты знаешь правду, — значит, он лжёт не для тебя.

Значит, для кого-то третьего.

Посадка. Я убрала телефон, отыскала в кармане шоколадку Аси и надкусила её прямо у гейта — тактика есть тактика.

Глава 3. Приглашение, от которого не отказаться

В Дохе меня встречали так, как встречают не людей, а груз повышенной ценности.

Человек с табличкой — на табличке не фамилия, а одно слово: «ТАРАСОВА» — перехватил меня раньше, чем я дошла до ленты «для своих». Чёрный автомобиль с тонированными стёклами. Водитель не спросил адрес. Фарид сидел на заднем сиденье — я поняла это, когда дверь закрылась и в салоне похолодало градусов на пять от одного его присутствия.

— Как отдохнули с рейса, мисс Тарасова?

— Отлично. Одиннадцать часов размышлений о том, зачем я лечу.

— Мой принципал считает, что это хороший знак. Размышляющие люди принимают лучшие решения.

— А неразмывляющие?

— Неразмывляющие подписывают. — Он посмотрел на меня без улыбки, и я не смогла понять, шутка это или инструкция.

Окна за стеклом текли: Доха ночью — это вытертая платком витрина. Стекло, свет, геометрия, и всё это так чисто, что казалось ненастоящим, декорацией к жизни, которая происходит где-то в другом, менее вылизанном месте.

— Где меня поселят? — спросила я.

— В гостевом крыле дворца, — сказал Фарид так, как говорят «в вагоне поезда». — Наш принципал считает, что разговоры о девяти миллионах не ведут в отелях. Отели слушают.

— А дворцы не слушают?

— Дворцы говорят.

Я посмотрела на его профиль. Он смотрел вперёд.

— Фарид. Скажите честно: если я завтра сяду на самолёт обратно — что будет?

Пауза была короткой, но я её поймала. Так ловишь микровыражение клиента, когда он говорит «бюджет не проблема», а глаза говорят «проблема».

— Никто не удержит вас силой, мисс Тарасова. — Он повернул голову. — Но иск будет подан в понедельник. В трёх юрисдикциях. С вашим именем в каждом документе. Наши юристы называют это «гарантированный процесс», но между нами: гарантированным будет только начало. Конец таких историй я видел разный.

— И какой конец у меня?

— Это зависит от разговора, который состоится завтра.

Автомобиль свернул с набережной, и впереди выросло... я не сразу нашла слово. Не «здание». Дворец — это когда архитектура перестаёт притворяться функцией и честно признаётся: я — власть, застывшая в камне. Свет бил снизу, от фонтанов; пальмы стояли ровно, как охрана; ворота открылись без единого слова, просто поднялись, и я подумала: где-то есть человек, который нажимает кнопку моего въезда, и он нажал её, не зная, кто я.

Меня провели через холл — мрамор, вода в канале в полу, запах какой-то древесины и цветка — в гостевое крыло. Комната была размером с мою прошлую квартиру: широченная кровать, ковёр, в который ступня проваливается по щиколотку, ванная из цельного камня. На столике — поднос с финиками, кофе, кувшин. И конверт.

В конверте — карточка. Ровный, жёсткий почерк, чёрные чернила:

«Ужин в девять. Мы будем говорить. Приходите голодной — разговор будет длинным.

Х.»

Я стояла посреди незнакомой роскошной комнаты, в чужой стране, с нулём на счетах, с иском на девять миллионов, держа в руках карточку с одной буквой, и ждала, что меня накроет. Страх, паника, слёзы — что угодно, я человек, мне положено.

Не накрыло. Вместо этого я открыла чемодан, достала платье — простое, тёмное, единственное, которое пережило дорогу не смятым, — села перед зеркалом и начала краситься. Руки работали, голова считала.

Год свадебного бизнеса учит одной вещи, которую не напишешь в резюме: я видела сотни людей в самые сильные моменты их жизни. Я знаю, как ведёт себя мужчина, который врёт матери невесты про бюджет. Я знаю, как звучит неуверенность в голосе человека, который говорит тост. Я знаю, как выглядит страх под слоем лака.

И ещё я знала вот что: меня вызвали сюда не для ареста. Арестовывают без приглашения и без фиников. Меня вызвали для разговора. А в разговоре, любом, даже с шейхом, у которого юристов больше, чем у меня клиентов, есть одна простая механика: кто больше нужен — тот и проигрывает.

Мне нужно было понять одно: насколько я нужна.

В девять меня ждали. Фарид провёл меня через коридоры — длинные, прохладные, с нишами, в которых стояли вазы, очевидно, старше некоторых стран, — на террасу. Терраса нависала над заливом; вода была чёрная, город на другом берегу — россыпь огней, и всё это было так красиво, что я машинально отметила: вот сюда бы невест, вот этот свет для первого танца, вот эту воду для фейерверка...

Продеформация — диагноз неизлечимый.

Он стоял у перил. Вживую Халид Аль-Тани оказался выше, чем на фото, и не красивее — страшнее. Это было лицо человека, который никогда в жизни не слышал слова «нет» с первого раза и потому разучился его распознавать. Когда он повернулся, я увидела глаза, которые сканировали меня с волос до каблуков, — медленно, спокойно, как сканируют документ на предмет подделки.

— Мисс Тарасова. — Рука — короткое пожатие, сухо, сильно. — Вы приели. Это хорошо.

— Я приела в самолёте. На ужин надежды не строила.

Что-то шевельнулось в углах его рта. Не улыбка — намёк на неё, как намёк на шторм в одной гребёнке волны.

— Садитесь.

Стол был накрыт на двоих — и вот тут я сделала первое наблюдение, важнее всех девяти миллионов: ни официантов, ни охраны в поле зрения, но я чувствовала их. Так чувствуешь стены в темноте. Люди были. Они просто не показывались.

— Я читал ваше дело всю ночь, — сказал он, когда мы сели. Он наливал кофе сам, без персонала, и это тоже было выверено: жест «я тут хозяин всего, включая кофейник». — Три года вы жили с Кириллом Дороховым и не подписали ни одного его документа.

— Ни одного.

— Ни одного. — Он поставил кофейник. — Женщина, которая три года не подписала ни одной бумаги мужчины, чьей невестой являлась. Мисс Тарасова. Вы редкая женщина или он редкий дурак?

— А можно оба варианта сразу?

И вот тогда он улыбнулся. На секунду. Настояще, живо, с белой вспышкой зубов, — и так же погас.

— Девять миллионов, — сказал он. — Ваш жевич... простите. Ваш бывший прятал деньги холдинга через конструкции, в которые вставил ваше имя. Либо он гений, либо вы. Разберёмся, в ком из нас ошиблись.

— В нём, — сказала я. — И в вашем юристе, который проверял документы, и в вашем комплаенсе, который пропустил, и в вашем банке, который одобрил. Я, конечно, польщена, господин Аль-Тани, но одна я такого масштаба не потяну.

Тишина. За перилами вода глотала свет фонарей.

— Фарид говорил, что вы хлёткая, — сказал он наконец. — Он ещё сказал: «Она держит чашку, как ручку для подписи». Что вы хотите, мисс Тарасова?

Вопрос был прямой, и я ответила прямо. Не потому что он шейх. Потому что по-другому я не умею.

— Я хочу, чтобы моё имя было чистым. Я хочу, чтобы Кирилл Дорохов получил ровно столько, сколько заработал, — и я знаю, сколько он заработал. И я хочу вернуться к работе. Которую, между нами, этот скандал сейчас хоронит. Сорванная свадьба года, невеста под следствием — кто меня наймёт?

— Никто, — согласился он без всякого сожаления. — На ваше имя сейчас не найдётся ни одного клиента в этом регионе. Вы токсичны, мисс Тарасова. Я вас сделал токсичной, подписывая иск. Я могу сделать вас наоборот.

— Зачем?

Он откинулся на спинку кресла. И посмотрел на меня долго — так, что я почувствовала этот взгляд кожей, — и в этом взгляде было что-то, что я не смогла тогда расшифровать. Не жалость. Не расчёт. Что-то третье, опасное.

— Потому что я не люблю, когда на мне ездят, — сказал он тихо. — А ваш Кирилл поехал на мне два года. И вставил в свои схемы женщину, которая, по всем бумагам, ни при чём. Это либо нежность, либо прикрытие. Я хочу знать, что именно. И я хочу, чтобы тот, кто это устроил, заплатил. Полностью.

Он поднялся. Разговор, как я поняла, был окончен.

— Завтра, — сказал он, — мой юрист покажет вам документы. И решим, что делать с вами, мисс Тарасова. Решать буду я.

Он ушёл. Фарид возник из темноты, как всегда, из ниоткуда, и проводил меня до гостевого крыла. У двери он сказал — тихо, не оборачиваясь:

— Позвольте совет, мисс Тарасова. Наш принципал редко разговаривает с людьми дважды. Он с вами уже разговаривал дважды.

— И что это значит?

— Это значит, что вы уже не «груз». — Дверь открылась. — Спокойной ночи.

Я осталась одна. В комнате на столике кто-то — в какой-то момент за ужином, я не заметила когда, — поставил стакан воды, тарелку с фруктами и маленькую плитку шоколада. С надписью на русском, аккуратным печатным шрифтом: «Чтобы жующие люди казались наглыми».

Я долго смотрела на эту плитку. Потом рассмеялась — впервые за три дня, вслух, в пустой роскошной комнате в чужой стране.

Либо за мной следили так плотно, что это страшно.

Либо кто-то во дворце говорил с Асей по телефону.

Оба варианта не обещали ничего хорошего. Но один из них был почему-то... тёплым.

Глава 4. Золотая клетка

На следующее утро выяснилось, что паспорт мой «находится на оформлении».

— Каком оформлении? — спросила я у девушки за стойкой в гостевом крыле, молоденькой, с такими вежливыми глазами, что злиться на неё было как пинать котёнка. — Оформлении куда? Он же у меня один. Его нельзя оформлять, им можно только пользоваться.

— Простите, мисс, это безопасность. Так всегда с гостями господина.

— Всегда?

— Ну... — она замялась и честно сказала: — С гостями, которые остаются. Гости на ужин сдают паспорт только на копирование.

Отлично. Я «гость, который остаётся». Формулировка была из тех, что вешаются на человека, как ярлык на багаж, и снимаются только вместе с кожей.

К обеду я прошла первый круг дворца — самовольно, потому что сидеть в комнате размером с мою квартиру и ждать вердикта было не в моём характере. Дворец жил своей жизнью: где-то пела вода, где-то цокали каблуки персонала, в одном крыле пахло свежей краской — там, судя по всему, готовили помещение. Меня не останавливали. Меня провожали. Один молодой человек в форме возник слева, второй — справа, шли за метром, вежливо, молча, как тень и её дублёр.

— Можно вопрос? — обернулась я наконец. — Я под арестом?

— Нет, мисс! — Он испугался. По-настоящему, всерьёз испугался. — Вы гостья!

— А разница между «под арестом» и «гостьей» какая?

Он подумал. Честно, с напряжением подумал и выдал:

— Гостья может всё. Кроме выхода.

Вот, понимаете, это и есть жанр. Золотая клетка отличается от обычной только прутьями: у них здесь прутья из полированного мрамора и вежливости, но клетки, прутья есть.

Халид появился в четыре часа дня. Не позвонив, не предупредив — просто вошёл в гостиную, где я сидела с ноутбуком (интернет здесь был быстрым, как мысль, и под наблюдением, как и всё) и читала новости о себе. Утешительная новость: пишут мало. Плохая: пишут то, что нужно. «Невеста беглого партнёра Аль-Тани под следствием». Тётка Рима дала комментарий. Слово «авантюристка» уже гуляло по сети с её лёгкой руки.

— Вы читаете о себе, — сказал Халид вместо приветствия. Он был сегодня в белом — кандура, без всяких, — и белое шло ему хуже чёрного, потому что делало его менее страшным, а ему это, кажется, не требовалось.

— Я читаю свой некролог, чтобы потом предъявить к качеству.

Он сел напротив — не спросив, само собой, здесь вообще никто ни о чём не спрашивал, здесь констатируют, — и положил на стол папку.

— Мои юристы закончили первичный разбор. — Он говорил по делу, без прелюдий, и это было единственное, что в нём было похоже на человеческое. — Вывод: подписи на документах — не ваши. Экспертиза подтвердит за три дня.

Я выдохнула. Медленно. Три дня — это было мало; три дня — это было почти сейчас.

— Но, — сказал он.

Ну конечно.

— Но имя в документах — ваше. И пока Дорохов не найден и не дал показания, юридически вы — главный актив следствия. Активы, мисс Тарасова, не летают. Активы находятся в распоряжении стороны, ведущей процесс.

— То есть меня не выпустят из страны.

— Я не сказал «не выпущу». — Он посмотрел на меня в упор, и вот здесь я впервые почувствовала это по-настоящему — холод между лопаток, звоночек, инстинкт, который у

предков срабатывал на тигров в траве. — Я сказал: активы не летают. Ваш вылет, как вы выразились, отложен. По моему решению.

Молчание. В окно било солнце, вода в фонтане внизу шептала, и весь этот мир был прекрасен и абсолютно чужой.

— Господин Аль-Тани. — Я сложила руки на столе. Пальцы хотели дрожать; я не позволила. — У меня есть работа. Клиенты. Бизнес, который ваши юристы и мой бывший завалили за одно лето. Вы держите меня здесь как вещдок.

— Да, — сказал он просто. — Именно так.

— И вам не кажется, что это... не совсем корректно?

— Мне кажется, что это эффективно. — Он наклонился вперёд. И вот сейчас — не звончек, а звон: — Мисс Тарасова. Послушайте меня внимательно, потому что я не повторяю. Вы для меня — единственный ключ к человеку, который украл у меня девять миллионов и спрятал их за вашим именем. Я держу этот ключ рядом. До тех пор, пока не открою дверь. Это не жестокость. Это арифметика. У меня сорок тысяч человек в штате, мисс Тарасова. За каждым — семья. Когда один человек крадёт у сорока тысяч — я не бываю корректным. Я бываю справедливым. Это разные вещи.

Он говорил негромко. И в этом было самое страшное: крик можно переждать. Тихую уверенность человека, который привык, что мир выполняет его условия, переждать нельзя.

— А если я скажу «нет»? — спросила я. — Не буду ключом. Не подпишу никаких ваших условий. Захочу уехать — через посольство, через консульство, как хочу.

— Посольство работает по записи, следующая запись через две недели. Консульство передаст ваш запрос моему юристу, моему юристу — в срок. — Он говорил без злорадства, как диктуют расписание. — И я вам вот что скажу честно, потому что вы женщина прямая и врётё плохо: я не хочу, чтобы вы уезжали через консульство. Это плохо кончается для вашего имени, и я не хочу, чтобы ваше имя гнило. У меня другие планы на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.